

**СРЕДНЕВЕКОВАЯ АННАЛИСТИКА:
ОСОБАЯ ФОРМА ИСТОРИОПИСАНИЯ ИЛИ ИСТОРИОГРА-
ФИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ?**

Аннотация: Статья посвящена анализу понятий «анналы» и «анналистка». Анализируется их происхождение, бытование в Античности и Средних веках, трансформация в исторической науке Нового времени. На основании анализа кодикологических контекстов сделан вывод о принципиально разных истоках и характере «большой» и «малой» анналистики.

Ключевые слова: историописание, Средние века, анналы, кодикология.
Об авторе: Мереминский Станислав Григорьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории исторического знания ИВИ РАН, доцент кафедры всеобщей истории РАН-ХиГС, 119334 г. Москва, Ленинский пр., 32-А. mereminskiy@gmail.com

Вопрос, вынесенный в заглавие настоящей статьи, может показаться на первый взгляд не провокационным (каковым он конечно является), но просто бессмысленным. Как можно сомневаться в реальности существования в средневековой Европе особого жанра «анналов», когда мы располагаем десятками, если не сотнями, текстов, имеющих такое наименование. Достаточно взять хотя бы опубликованный еще в 1826 г. под редакцией великого Георга Пертца 1-й том подсерии «Scriptores» серии «Monumenta Germaniae Historica» (далее – MGH) и взглянуть на его оглавление [1:III-IV], чтобы увидеть около 40 различных «анналов». Это же понятие Пертц использует и в предисловии к тому, озаглавленному «Заметка о древнейших анналах германцев» (De annalibus Germanorum antiquissimis monitum). Однако более внимательный взгляд на представленные в этом без преувеличения монументальном фолианте (о значении издания MGH в формировании научной медиевистики и, в частности, принципов публикации и изучения средневековых текстов см. например [2]) тексты показывает, что картина далеко не столь

проста. Начать с того, что практически все заглавия не имеют основания в средневековых рукописях, а принадлежат либо Пертцу, либо более ранним публикаторам Нового времени. Пертц нигде не приводит четкого определения, что он понимает под «анналами» (скорее всего, это казалось ему самоочевидным), и прямо не указывает на основы собственной классификации текстов. Однако достаточно ясно, что он назвал анналами те из них, которые имеют сплошную погодную сетку (независимо от начальной даты). Вместе тем, некоторые подобные тексты обозначались и как «хроники». Нельзя не отметить, что Пертц чаще всего не считал нужным печатать известия, не касающиеся франкской истории (например, даты правлений римских императоров), что искажало хронологическую перспективу текстов. Под влиянием авторитета MGH эмпирически введенные Пертцем принципы классификации средневековых текстов были восприняты медиэвистами XIX – XX вв. Но были и исключения, в т. ч. даже в рамках самих MGH. Так, Теодор Моммзен, вероятно, как историк-классик, хорошо знакомый с первоначальным значением латинского слова «*annales*» (о котором см. ниже), предпочитал не называть этим словом краткие тексты, которые издал в собственной подсерии «Древнейшие авторы» (использовал характеристику «малые хроники» – в томе, опубликованном в 1892 г. [3]). При этом среди изданных Моммзеном текстов были очень напоминающие по форме «анналы» Пертца, включая даже записи на полях пасхальных таблиц. Вместе с тем, в самом тексте тома Моммзен иногда использовал наименование «анналы» (например, применительно к т. н. Галльской хронике 452 года).

Одним из первых медиэвистов, посчитавших необходимым в явной форме провести границы между различными жанрами средневекового историописания, стал не менее знаменитый, чем Пертц, британец Уильям Стеббс. В 1867 г. в предисловии к публикации «Деяний Генриха II» он так изложил свой взгляд на иерархию хроники и анналов: «Разница между хрони-

ками и анналами состояла не в том, как иногда утверждают, что первые обращались ко всеобщей истории, а вторые – к национальной или частной, а в том, что у первых была связность темы и стиля, а вторые содержали лишь заметки о бессвязных событиях. Анналы это руда, хроники – очищенный металл, из которого историк создает свою совершенную драгоценность» [4:X-XI]. В дальнейшем в англоязычной историографии этой проблемы особенно влиятельной оказалась небольшая книга Реджинальда Лейна Пула, «Анналы и хроники» (изложение одноименного курса лекций, прочитанного им в 1924 г. [5]). Пул с самого начала четко отделяет «хроники» от «историй», ссылаясь при этом на Гервасия Кентерберийского (конец XII в.). Если «истории» – это литературный и подробный рассказ об исторических событиях, то «хроника» – краткое изложение событий в хронологическом порядке. При этом сам Пул не предлагает ни точного определения «анналов», ни признаков, по которым их можно отграничить от «хроник». Впервые исследователь говорит об анналах применительно к записям на полях пасхальных таблиц, в дальнейшем он отмечает эволюцию этого жанра к более пространным формам, так называемым «большим анналам» (франкские анналы VIII–IX вв. и английские анналы IX – XII вв., иначе известные, как Англосаксонская хроника), в конечном счете сближающимся с хроникой [5:34].

Классификация различных форм анналистики, введенная Пулом, была воспринята Б. Гене [10] и М. Мак-Кормиком, опубликовавшим в 1975 г. том об анналах в известной серии «*Typologie des sources du Moyen Âge occidental*» издательства «*Vrepols*» [6]. Мак-Кормик справедливо отмечает, что сами средневековые авторы почти никогда не проводили различий между хрониками и анналами, но не видит в этом проблемы, поскольку, по его мнению, мы в данном случае имеем дело с двумя самостоятельными жанрами, имеющими принципиально разные корни. Хроники в латинском мире появились под влиянием сделанного Иеронимом перевода сочинения Евсевия Кеса-

рийского, анналы восходят к «примитивным» записям на полях литургических рукописей с пасхальными таблицами. Хроники посвящены универсальной истории, анналам такая широта взгляда не свойственна (отметим, что здесь Мак-Кормик возвращается к различию, отвергнутому еще за век до него Стеббсом!). Кроме того, по мнению Мак-Кормика, лишь в анналах в «первые два века их существования» используется датировка по эре Дионисия Малого от Рождества Христова. Последний аргумент явно ошибочен, ведь хорошо известно, что важный, едва ли не решающий, вклад в популяризацию эры Дионисия внесла «Церковная история народа англов» Беды Достопочтенного, которую к анналам нельзя причислить при всем желании. Наконец, по мнению Мак-Кормика, в хрониках в большей степени наблюдается тенденция к структурированию изложения: в них встречаются авторские предисловия, деление на книги и главы. По мере дальнейшей эволюции жанры хроники и анналов сближаются, особенно после того, как в начале X в. Регинон Прюмский первым из латиноязычных хронистов тоже начинает пользоваться дионисиевой эрой. В данном случае Мак-Кормик вновь допускает неточность: вся начальная часть сочинения Регинона скопирована с более ранней хроники (сам Регинон называет ее «libellus plebeio et rusticano sermone composite»), вероятно, составленной кем-то из монахов Прюма не позднее 2-й половины 810-х гг. [8:201], то есть практически одновременно с классическими образцами каролингской «анналистики».

Лишь в начале XXI в. в медиевистике (преимущественно англоязычной) наметилась тенденция не только к критике восходящих к Р. Пулу взглядов на типологию и эволюцию средневековой анналистики, но и к полному отказу от выделения анналов как особой формы историописания. В статье 2002 г. Д. Дамвилл указал на нецелесообразность деления на «хроники» и «анналы» [9]. Наиболее последовательно эту точку зрения развили и обосновали на огромном фактическом материале Р. Бёрджесс и М. Куликовски в увидевшем свет в 2013 г. 1-м томе

планируемого ими многотомного издания «Мозаика времени. Латинская традиция хроник со II века до н. э. до VI века н.э.» [12:12-20]. Вместе с тем, в других работах поддерживалась и традиционная трехчастная (истории – хроники – анналы) схема средневекового историописания (см. например [13]). Особого внимания заслуживает статья Б. Руста [14], отметившего фактическую невозможность применения современных категорий жанра к средневековым историческим текстам. В отечественной науке наиболее обстоятельное и подробное сопоставление понятий «хроники» и «анналов» принадлежит Т.В. Гимону [11: 69-85]. Он рассматривает их как разные, хотя и близкородственные формы историописания. При этом для хроник характерны цельность замысла и наличие автора, этот замысел осуществившего; для анналов – строгая погодная форма, дискретность и анонимность. Однако при этом исследователь оговаривается, что сводчик анналов «может руководствоваться достаточно цельным замыслом и соответствующим образом отбирать или редактировать материал» – тогда чем он отличается от автора хроники? Не вполне убедительно выглядит и критерий анонимности: ведь применительно к средневековым текстам во многих случаях то, что мы знаем, или не знаем их авторов, определяется случайными факторами сохранности источников. Итого, фактически, остается только критерий формы: имеем мы дело со строго погодными записями или с текстом, имеющим иной хронологический аппарат.

Итак, в современной медиевистике проблемы содержания понятия «анналистика» и самой целесообразности использования этого понятия нельзя считать полностью решенными. В оставшейся части статьи я, во-первых, приведу основную историю понятия «анналы» (*annales*), а во-вторых попытаюсь заново взглянуть на некоторые тексты, в современной науке включаемые в понятие «анналистика».

В классической античности слово «анналы» чаще всего использовалось как синоним «истории» (*historia, historiae*) в вы-

ражениях типа: 'historiae et annales', 'historiae annalesque', and 'historiae uel annales'. Вероятно, впервые оно встречается в заголовке у поэта Энния (II в. до н.э.), затем у историка Луция Кальпурния Пизона (консул в 133 г. до н.э.). Поскольку древнейшие памятники латиноязычного историописания почти полностью не сохранились, неясно, использовали ли их авторы погодное изложение на всем протяжении своих сочинений или только для недавнего прошлого [15]. У некоторых античных авторов мы встречаем попытки разграничить анналы и историю. Наиболее подробно об этом рассуждает Авл Геллий (II в. н.э.), который ссылается на автора рубежа II-I вв. до н.э. Семпрония Азеллиона. В своих «Аттических ночах» (Noct. Att. V.18) Геллий пишет: «В чем и насколько отличается история (historia) от анналов (annales)?» По этому же вопросу приводятся слова из первой книги „Подвигов“ Семпрония Азеллиона.

(1) Некоторые полагают, что история от анналов отличается тем, что, хотя и то и другое представляет собой рассказ о событиях, однако собственно историей является [описание] тех дел, в совершении которых принимал участие рассказчик; (2) о том, что у некоторых есть такое мнение, сообщает Веррий Флакк в четвертой книге «О значении слов». Сам он говорит, что сомневается на этот счет, полагая все же, что может показаться, будто бы есть некоторый смысл в том утверждении, что по-гречески *ιστορία* означает исследование текущих событий. (3) Но мы обычно слышим, что анналы совершенно то же, что и история, (4) история же совсем не то, что анналы, (5) подобно тому как человек – это обязательно животное, [но] животное – не обязательно человек. (6) Итак, некоторые говорят, что история – либо изложение, либо точное описание событий, либо рассказ в какой-то иной манере, а в анналах события многих лет, при сохранении очередности каждого года, приводятся последовательно. (7) Когда же события описываются не по годам, но по отдельным дням, то такая история (historia) называется греческим словом *ἡμερηίς* (дневник), латинский перевод которого

дается в первой книге Семпрония Азеллиона, из которой мы выписали большой отрывок, чтобы сейчас, здесь же, показать, в чем, по его собственным словам, разница между *res gestae* (деяниями) и *annales* (анналами). (8) «Однако, основное различие между теми, кто хотел оставить анналы, — говорит он, — и теми, кто пытался описать деяния (*res gestae*), совершенные римлянами, состоит в следующем. Книги анналов излагали только то, какое деяние и в каком году было совершено, то есть подобно тем, кто пишет дневник, который греки называют *ἡμερίς*. Я считаю, что нам недостаточно только рассказать о том, что было сделано, но [необходимо] также показать, по какому замыслу и расчету это было совершено». (9) Немного дальше Азеллион в этой же книге говорит: «Ведь книги анналов никак не могут побудить ни более ревностных к защите государства, ни более вялых к совершению неверного поступка. Выписывать же, при каком консуле война началась и при каком закончилась, и кто вошел с триумфом, из одной книги, что совершалось на войне <из другой>, не упоминая при этом ни о том, что тем временем постановил сенат, ни о том, какой закон или законопроект был внесен, и не указывая, по каким причинам это было сделано, — значит рассказывать мальчикам басни, а не писать историю» (пер. А.Б. Егорова [16:279-281]).

Сходное противопоставление «истории» и «анналов» приводил и Цицерон в трактате «Об ораторе» (*De orat.* II. 51-54):

— А все-таки, — сказал Антоний, — не очень-то презирай наших: когда-то и греки писывали так же, как наш Катон, Пиктор и Пизон. (52) Ведь история была не чем иным, как летописным сводом (*erat enim historia nihil aliud nisi annalium confectio*), который сохранял для общества память о событиях; и для того-то от начала Рима вплоть до понтифика Публия Муция великий понтифик вел запись всех событий по годам (*res omnis singulorum annorum mandabat litteris pontifex maximus*), заносил ее на белую скрижаль, и выставлял в своем доме для ознакомления с ней народа; эти записи и поныне называются Великой Ле-

тописью (*eique etiam nunc annales maximi nominantur*). (53) Подобного способа письма держались многие; они оставили только лишённые всяких украшений памятки о датах, людях, местах и событиях. Каковы у греков были Ферекид, Гелланик, Акусилай и очень многие другие, таковы наши Катон, Пиктор, Пизон; они не знают, чем украшается речь (эти украшения явились у нас лишь недавно), они хотят лишь быть понятными и единственным достоинством речи считают краткость. (54) Только славный Антипатр, друг нашего Красса, поднялся несколько выше и придавал истории более возвышенный тон, а все остальные писали не художественную историю, а простой рассказ о событиях (пер. Ф.А. Петровского под ред. М.Л. Гаспарова [17:139-140]).

Столь же критически оценивает эстетический уровень анналов в «Диалоге об ораторах» Корнелий Тацит (*Dial. de orat.*, 22):

Конечно, из речи нашего времени кое-что должно быть изгнано прочь, как приевшееся и устарелое: пусть в ней не будет ни единого изъеденного ржавчиной слова, пусть не будет и предложений, вялых и неуклюжих, скроенных по образцу, принятому составителями анналов (*in morem annalium componantur*); пусть оратор решительно избегает в ней отвратительного и пошлого шутовства, пусть, наконец, разнообразит ее построение и не заканчивает периодов всегда и везде на одинаковый лад (пер. А.С. Бобовича [18: 371]).

Последний пассаж может вызвать определенные вопросы: ведь хорошо известно, что среди сочинений самого Тацита, наряду с «Историей», есть и «Анналы». Мнимое противоречие объясняется просто: оба эти названия – неавторские. Они (как и само деление единого исторического труда Тацита на две части) были введены публикаторами-гуманистами XVI в. (впервые – в 1569 г., в лионском издании Вертрания Мавра), вероятнее всего, под влиянием процитированного выше отрывка из «Аттических ночей» [19:168-169].

Античная традиция противопоставления «истории» и «анналов», как и множество других аспектов классической культуры, нашла отражение в «Этимологиях» Исидора Севильского (Etym. I. 44):

Родов истории три. Ведь *эфемеридою* (ephemeris) называется то, что совершилось за один день. Она у нас зовется дневником (diarium). Ибо то, что латиняне называют дневником, греки – эфемеридою. (2) *Календарем* (kalendaria) называется то, что записывается за один месяц. *Анналы* (annales) – это вещи, [произошедшие] за один год. (3) Ведь все достойные памяти [события] мирного и военного времени, на море и на земле заносятся в записки (commentarii) погодично и именуются анналами из-за ежегодно повторяющихся дел (ab anniversariis gestis). (4) *История* же это [события] многих лет или времен, и ее тщательные погодичные записки заносятся в книги. История же тем отличается от анналов, что история – это [события] того времени, которое мы наблюдаем, анналы же – [события] того времени, которое было не в наши лета. Поэтому [книги] Саллюстия содержат историю, а [книги] Ливия, Евсевия, Иеронима – анналы и историю (пер. Л.А. Харитонova [20:65]).

Очевидно, этот пассаж Исидор скопировал из нескольких источников, не слишком заботясь об их согласовании. Так, сперва севильский епископ понимает под историей «события многих лет или времен», а уже в следующем предложении – только рассказ о современных автору событиях. Подробный анализ использованных Исидором источников выходит за рамки задач данной статьи, отмечу лишь, что различие между историей и анналами почти наверняка восходит (прямо или косвенно) к уже процитированному месту из «Аттических ночей» Авла Геллия.

Рассмотрим теперь, что понимали под «анналами» авторы каролингской эпохи, того времени, когда, согласно традиционной точке зрения, сформировался и получил распространение этот жанр. Исследователи особенно часто ссылаются на напи-

санное в IX в. Ардоном Анианским предисловие к «Житию Бенедикта Анианского», в котором говорится: «Ученый человек не будет сомневаться, я уверен, что это очень древний обычай, который и по сию пору в ходу у царей: заносить в анналы все, что было сделано или совершилось, дабы знали об этом потомки» [21:355A]. Г. Данфи в статье об анналах в фундаментальной «Энциклопедии средневековых хроник» [22:45] предположил, что Ардон, как и Бенедикт, имевший связи с королевским двором, мог в данном случае подразумевать «Анналы королевства франков». Однако более вероятно, что агиограф просто использует архаичное слово, чтобы охарактеризовать старинный обычай. Весьма вероятно в данном случае и влияние уже процитированного места из «Этимологий» Исидора Севильского, ср. его замечание о том, «что все достойные памяти [события] мирного и военного времени, на море и на земле заносятся в записки (commentarii) погоди́чно и именуются анналами». Еще одно хрестоматийное упоминание анналов автором каролингского времени принадлежит Валафриду Страбону, который так характеризует посвященное императору Людовику Благочестивому сочинение Тегана: «Теган, родом франк, хорепископ Трирской церкви создал это сочинение в роде анналов, кратко и более правдиво, чем изящно» [23:405A]. Этот краткий пассаж тоже вызывает немало вопросов. Ведь в сочинении Тегана практически нет абсолютных датировок. В рукописи также нет разбиения на годовые блоки, все идет сплошным текстом. При этом для Тегана действительно характерна хронологическая последовательность изложения, по годам правления императора. Возможно, Валафрид имплицитно противопоставляет сочинение Тегана написанному по всем канонам античной биографии труду Эйнхарда. Отдельного внимания заслуживает использованное Валафридом выражение «в роде анналов» (*in morem annalium*), которое встречается и в уже знакомом нам пассаже из «Диалога об ораторах» Тацита. Сочинения Тацита в средневековой Европе были большой редкостью, но мы знаем, что в библиотеке Фуль-

ды, монастыря, где жил Валафрид Страбон, некоторые из них (а именно, «Германия» и «Анналы») имелись. Вполне вероятно, что Валафрид читал и «Диалог об ораторах», откуда заимствовал пренебрежительную характеристику анналов. Других примеров использования выражения «*in totem annalium*» античными и средневековыми авторами я найти не смог. Итак, и Ардон, и Валафрид, говоря об «анналах», вероятнее всего воспроизводят античную традицию. Мы не можем определить, имеют ли в виду они при этом какую-то специфическую форму историописания.

Более важный, на первый взгляд, материал для понимания содержания понятия «анналистика» в каролингскую эпоху дают библиотечные каталоги того времени. Так, в созданном в середине IX в. перечне книг библиотеки аббатства Лорш мы встречаем 3 кодекса, в характеристике которых упоминаются «анналы»: 1) *vita sancti Cuthberti. et regula sancti Benedicti. et annalis. in uno codice* (в разделе трудов Беды Достопочтенного); 2) *liber annalis* (неуточненного содержания); 3) *de cursu lunae. item regula sancti Benedicti et adunatio Rigbodoni episcopi et hymni et annalis. in uno codice* [24: 100, 111, 115]. «*Liber annalis*» фигурирует и в каталоге конца XV в. из Фульды (раннесредневековые фульдские каталоги сохранились лишь фрагментарно [25:414]). Увы, содержание этих кодексов известно и не имеет никакого отношения к привычной нам анналистике. Под «*liber annalis*» (буквально «годовая книга») каролингские авторы, вслед за Бедой Достопочтенным, понимали литургический календарь [26:360] либо (согласно альтернативной точке зрения Р. Коррадини), мемориальный сборник более широкого состава, включавший, помимо календаря, некролог (синодик умерших), мартиролог и разного рода компутистические записи (связанные с вычислениями Пасхи и др. церковных праздников) [27:302].

Вместе с тем, по крайней мере иногда каролингские авторы все же называли «анналами» и те тексты, которым дают это наименование и современные исследователи. Самый показа-

тельный пример содержится в письме (866 г.) архиепископа Реймского Гинкмара архиепископу Сансскому Эгилону об обвинённом в ереси Готшалке. Гинкмар пишет, что сведения о деятельности Готшалка Пруденций, епископ Труа (умер в 861 г.), внес под 859 годом от Рождества Христова в «аннал нашего королевства, которые составил» (*in annali gestorum nostrorum regum, quae composuit*). Далее Гинкмар отмечает, что упомянутый «аннал» содержался в рукописи, которую король Карл Лысый в присутствии Эгилона передал на хранение Гинкмару (*Ipsum autem annale, quod dico, rex habet, et ipse est ille liber, quem coram uobis in ecclesia, ubi uos nobis commendauit, coram uobis ab illo mihi praestitum ei reddidi* [28:196]). В данном случае мы можем однозначно сказать, что имеются в виду так называемые «Сен-Бертенские анналы» (*Annales Bertiniani*), ведение которых перешло от Пруденция к Гинкмару в 861 г. [29:7-11]. Гинкмар ссылается на «королевский аннал» (*sicut in annali regum scriptum habemus*) также, говоря о смерти Пиппина Короткого и восшествии на престол его сыновей, в заметке об истории виллы Нейи-Сен-Фрон (издавший этот текст Х. Мордек отмечает параллели с приписываемой Эйнхарду переработанной версией «Анналов королевства франков» [30: 102]). В то же время, Гинкмар не был вполне последователен в использовании понятия «аннал». Так, в так называемом «Третьем трактате о предопределении» (написан в 860 г.) он ссылается на запись под 835 г. в «годовой истории господина императора Людовика» (*annalem domini Ludovici historiam* [31:391A]). Таким образом, здесь в качестве родовой характеристики использовано слово «*historia*». Необходимо также отметить, что понятие «хроника» или какие-либо производные от него Гинкмар, насколько я смог установить, не использует. Создается впечатление, что обозначение погодных записей, как «анналов» осталось личной особенностью стиля Гинкмара и даже в реймской исторической традиции не получило распространения. Так, живший в 1-й половине X в. реймский каноник Флодоард не называл свое исто-

рическое сочинение анналами, это название впервые появляется в издании того же Г. Пертца (1839 г.). В рукописях Флодоарда встречаются варианты заглавия «Gesta Francorum» (в рукописи конца X в. Paris, BNF lat. 9768) и «Cronica Flodoardi, presbyteri, de gestis Normannorum» (в рукописях XI в. Vatican, Reg. lat. 633 и Paris, BNF lat. 5354).

Определенный рост интереса у средневековых историков к понятию «анналы» мы встречаем в XII в., вероятно, в связи с происходившей в то время рецепцией «Аттических ночей» Авла Геллия. Так, уже знакомые нам рассуждения Геллия о разнице между «историей» и «анналами» цитирует декан лондонского собора Св. Павла Ральф Дицето (рубеж XII-XIII вв.) в предисловии к своим «Сокращениям хроник» (*Abbreviationes chronicarum* [33:15]). Примечательно, что в 3 рукописях (London, British Library, MS. Cotton Faustina A.viii, fols. 70r – 79r; Cambridge, Corpus Christi College, MS. 59, fols. 149v – 158r; Valenciennes, Bibliothèque municipale, MS 792 (olim 589), fols. 231r – 237v) среди так называемых «малых сочинений» (*opuscula*) Ральфа содержится компиляция, озаглавленная «*Annales de gestis britonum de gestis saxonum de gestis danorum. de gestis normannorum*» - самый ранний известный мне пример использования слова «*annales*» в заглавии исторического сочинения в Англии. При этом, однако, текст этой компиляции организован не погодно, а по правлениям королей, то есть с точки зрения современных исследователей не относится к анналистике¹. Вполне вероятно, что с книгой Геллия был знаком также современник и соотечественник Ральфа Дицето, Гервазий, монах кафедрального приората Кентерберии, который в прологе к своей «Хронике» предпринял одну из самых известных в Средние века попыток обозначить разницу между различными формами исторических сочинений:

¹ Кембриджская рукопись доступна онлайн в рамках проекта «Parker Library on the Web»:

<https://parker.stanford.edu/parker/catalog/xj416ct0118>

Славные и достойные подражания примеры святых и православных отцов содержатся в историях и анналах, которые иначе именуются хрониками. В них усердно ищущий найдет много примеров праведной жизни, через которую человеческое невежество выводится из тьмы и наставляется для достижения блага. В чем-то у историков и хронистов одно намерение и материал, но разнятся способ рассказа и форма. Цель у обоих одна и та же, поскольку и те, и другие стремятся к истине. Форма же различна, поскольку историк растекается пространно и изящно, хронист же следует просто и кратко. Историк допускает «слова двухаршинные пышного строя» (Гораций. О поэтическом искусстве, 97), а хронист «сочиняет пастуший напев на тонкой свирели» (Вергилий. Буколики. Эклога I. 2). Историк «восседает среди возвышенных ораторов, роняющих напыщенные словеса» (Иоанн Солсберийский. Поликратик. Предисловие), хронист же ютится у входа в лачугу нищего Амикла (ср. Лукан. Фарсалия. V. 510слл.), чтобы не сражаться даже за нищенский кров. Долг историка – утверждать истину, убажывать слушателей или читателей сладкими и красноречивыми словами, правдиво излагать деяния, нравы и жизнь тех, кого он описывает, и не сообщать ничего кроме того, что, согласно разуму, относится к истории. Хронист же подсчитывает годы от Воплощения Господа, месяцы годов и календы, а также кратко сообщает деяния королей и князей, которые в них случились, сохраняет для памяти события, знамения и чудеса. Впрочем, многие, писавшие хроники или анналы, выходили за положенные им рамки, поскольку желали «расширить хранилища свои и увеличить воскрилия одежд своих» (ср. Мф. 23.5). Ибо они, намереваясь составить хронику, начинали писать как историки и то, о чем следовало написать кратко и скромным стилем, они стремились утяжелить напыщенными словесами [34:87-88].

Нужно отметить, что Гервазий сразу же определяет «хроники» и «анналы» как синонимы и в дальнейшем уже противопоставляет их написанным в соответствии с нормами риторики

«историям». При этом, в отличие от Цицерона или Тацита, кентерберийский монах неявно, но достаточно однозначно намекает на моральную предпочтительность безыскусного хрониста перед напыщенным историком. Вместе с тем, по остроумному наблюдению П. Хэйурда, Гервазий использует для этого как раз те риторические стратегии, которые как будто осуждает [35:55-60]. Думается, Хэйурд прав, рассматривая пролог Гервазия не как академическое упражнение на тему литературных жанров, а как скрытую полемику, связанную с характерными для Англии конца XII в. конфликтами между монахами-бенедиктинцами и другими группами духовенства (секулярными клириками, представителями «новых» монашеских орденов). Сочинения Гервазия, насколько мы можем судить по их рукописной традиции, были практически неизвестны вне Кентерберии, но сам принцип обозначения разных форм погодных записей как хроник получил в классическое и позднее Средневековье широкое распространение. Например, в предисловии к так называемым «Вустерским анналам» (в действительности, вероятно, написано монахом кафедрального приората Уинчестера), сохранившемся в двух рукописях XIII в., так описан принцип написания хроники:

Полагая, что по многим причинам хроники необходимы для религии, мы для вас сделали извлечения из ветхих свитков и находившихся в небрежении брошюр, как бы собрав остатки со стола Господа, чтобы они не пропали². Ибо не подобает, чтобы грубая и некультурная латынь причиняла урон вашему искусственному уху, привыкшему в писаниях больше уделять внимания смыслу, чем словам, и заботиться о плодах больше, чем о листьях. Не удивительно, что когда книга ежегодно пополняется и потому составляется разными людьми, то порой попадает в руки тому, кто допускает варваризм. Потому пусть вы всегда

² Аллюзия на приведенный в Евангелии от Иоанна (Ин. 6.12) рассказ о чудесном насыщении народа пятью хлебами и двумя рыбами, после чего осталось кусков на 12 коробов.

следите, чтобы в конце книги были листы, на которых свинцовым карандашом отмечали бы кончины знаменитых мужей и все, что вы услышите, достопамятного о делах в королевстве. В конце же года отнюдь не любой желающий, но тот, кому это поручат, пусть запишет кратко и сжато в конце книги все, что посчитает наиболее истинным и достойным знания потомками. Сделав же это, пусть удалит старые листы и вставит новые [36:355].

Нетрудно заметить, что слово «анналы» здесь вовсе не встречается, однако многие исследователи приводили этот текст, как уникальное свидетельство о методах работы средневековых анналистов (см. например [37:235]) и даже экстраполировали на памятники каролингского времени [38:30]. В действительности же перед нами в лучшем случае – описание практики, принятой в одном монастыре в XIII в., а возможно, что и вовсе идеальная модель того, как должно быть организовано ведение исторических записей, не осуществленная в реальности.

Новая волна популярности слова «*annales*» в Европе наступила в эпоху Возрождения и вновь была связана со вниманием к «Аттическим ночам» Авла Геллия, хорошо знакомым ученым-гуманистам. В этот период окончательно сформировалось представление об «анналах» как о синониме «хроники», отраженное, в частности, в известном глоссарии латинского языка итальянского филолога Амброджо Калепино (1502 г.): «*Chronica, -orum, generis neu. non chronica, -cae, ut indocti usurpant, latine temporalia dicuntur, proprie annales*» ('*Chronica, -orum, средний род, а не "chronica, -cae", как говорят невежды, по латыни значит «времена» или, точнее говоря, «анналы»*') [22:275]. Лишь в XIX в., вероятнее всего, под влиянием Г. Пертца и других издателей MGH, под анналами начинают понимать особую, отличную от хроник, разновидность исторических текстов. При этом сами принципы этих издателей далеко не всегда отличались последовательностью [12:1-2].

Итак, разделение на хроники и анналы не находит оснований в практике словоупотребления авторов Античности, Средних веков и Нового времени. Но ведь исследователи вправе и самостоятельно вводить понятия и классификации, когда это оправдано их целями и задачами. Попробуем взглянуть на сами тексты, которые ныне принято относить к средневековой анналистике, и решить, насколько уместно объединять их как особую форму историописания.

Прежде всего, нужно отметить, что тексты, в современных изданиях обозначаемые, как анналы, в средневековых рукописях практически никогда не имеют заголовков. В некоторых случаях, кроме того, публикаторская практика XIX–XX в. полностью скрадывает реальный характер материала в рукописи. Возьмем, например, так называемые «Кратчайшие питерборские анналы» (*Annales Petroburgenses brevissimi*), опубликованные в 1879 г. Ф. Либерманом в сборник «Неизданные англо-нормандские исторические источники» [39:13-14]. В издании Либермана они выглядят абсолютно так же, как и любые другие средневековые погодные записи (см. *Илл. 1*): выстроенные в столбик года (в публикации записаны арабскими цифрами), напротив каждого из которых, с нового абзаца, помещено то или иное известие.

1087 Obiit Willelmus rex.
 1089 Obiit Landfrancus archiepiscopus.
 1096 Iter incepit Jerosolimitanum.
 1098 Obiit Tuoldus abbas ¹⁾.
 1099 Jerusalem capta est idibus Julii.
 1100 Obiit Willelmus rex junior.
 1103 Obiit Mathias abbas ¹⁾.
 1107 Ernulfus prior ²⁾ eligitur abbas ¹⁾.
 1108 Obiit ³⁾
 1109 Obiit Anselmus archiepiscopus.
 1116 Hoc anno monasterium nostrum cum magna parte ville
 adjacentis validis ignium flammis accensum totum consumptum est 2 No. Augusti, die quoque Veneris.
 1117 Hoc anno novi monasterii nostri fundamentum jactum
 est 4 Idus Marcii.
 1118 Obiit Mahtilda regina.
 1120 Hoc anno rex Henricus de Normannia prospero maris
 navigio rediit Angliam. Filii vero ejus Willelmus et

Иллюстрация 1

Hoc anno monasterium in cum magna parte uille adiacentis ualde ignis flammis accensum. per confectum. et in eo aug. die xxv. actum
 hoc anno rex henric de normannia episcopo mairi aduocato rediit anglia. filii d. et willm. r. et ualde r. et ualde r. et ualde r. et ualde r.
 In iulio baronum nationum. omniaque ipsi malo omne fecerunt. per uice in mare meru. **V** hoc anno noui monasterii
 circa fundamur
 taceum ele. in. in. d. oia. **V** hoc anno rex henric filius ducis louanie in uxorem sibi desponsauit.

111	xxviii	v	vi	viii id apa.	ii id apr	xviii
111	ix	vi	vii	vi kl apa	ii id apr	xx
111	xx	st	viii	xxviii kl oia	ix kl oia	xx
111	i	ii	ix	ii id apa	viii id apr	xxi
111	xi	iii	x	ix kl apr	ix kl apr	xxv
111	xii	iiii	xi	ii idv5 apr	xxv kl oia	xx
111	xiii	v	xii	kl april	ii id apr	xx
111	xiiii	vi	xiii	xi kl apa	viii id apr	xxiii
111	xv	vii	xiiii	v idv5 apr	xxviii kl oia	xxv
111	xvi	viii	xv	iii kl apr	ix kl apr	xx
111	xvii	ix	xvi	ii kl oia	ix kl oia	xx
111	xviii	x	xvii	v idv5 apr	ii id apr	xx
111	xix	xi	xviii	viii kl apr	viii kl apr	xxi
111	xx	xii	xix	ix kl oia	ix kl oia	xxi
111	xxi	xiii	xx	ii idv5 apr	ii id apr	xxi
111	xxii	xiiii	xxi	iii kl apr	ix kl apr	xxi
111	xxiii	xv	xxii	ii kl oia	ix kl oia	xxi
111	xxiiii	xvi	xxiii	v idv5 apr	ii id apr	xxi
111	xxv	xvii	xxiiii	viii kl apr	viii kl apr	xxi
111	xxvi	xviii	xxv	ix kl oia	ix kl oia	xxi
111	xxvii	xix	xxvi	ii idv5 apr	ii id apr	xxi
111	xxviii	xx	xxvii	iii kl apr	ix kl apr	xxi
111	xxix	xxi	xxviii	ii kl oia	ix kl oia	xxi
111	xxx	xxii	xxix	v idv5 apr	ii id apr	xxi
111	xxxi	xxiii	xxx	viii kl apr	viii kl apr	xxi
111	xxxii	xxiiii	xxxi	ix kl oia	ix kl oia	xxi
111	xxxiii	xxv	xxxii	ii idv5 apr	ii id apr	xxi
111	xxxiiii	xxvi	xxxiii	iii kl apr	ix kl apr	xxi
111	xxxv	xxvii	xxxiiii	ii kl oia	ix kl oia	xxi
111	xxxvi	xxviii	xxxv	v idv5 apr	ii id apr	xxi
111	xxxvii	xxix	xxxvi	viii kl apr	viii kl apr	xxi
111	xxxviii	xxx	xxxvii	ix kl oia	ix kl oia	xxi
111	xxxix	xxxi	xxxviii	ii idv5 apr	ii id apr	xxi
111	xl	xxxii	xxxix	iii kl apr	ix kl apr	xxi
111	xli	xxxiii	xl	ii kl oia	ix kl oia	xxi
111	xlii	xxxiiii	xli	v idv5 apr	ii id apr	xxi
111	xliii	xxxv	xlii	viii kl apr	viii kl apr	xxi
111	xliiii	xxxvi	xliiii	ix kl oia	ix kl oia	xxi
111	xlv	xxxvii	xlv	ii idv5 apr	ii id apr	xxi
111	xlvi	xxxviii	xlvi	iii kl apr	ix kl apr	xxi
111	xlvii	xxxix	xlvii	ii kl oia	ix kl oia	xxi
111	xlviii	xl	xlviii	v idv5 apr	ii id apr	xxi
111	xlvix	xli	xlvix	viii kl apr	viii kl apr	xxi
111	cl	xlii	cl	ix kl oia	ix kl oia	xxi
111	cli	xliiii	cli	ii idv5 apr	ii id apr	xxi
111	clii	xlv	clii	iii kl apr	ix kl apr	xxi
111	cliii	xli	cliii	ii kl oia	ix kl oia	xxi
111	cliiii	xlii	cliiii	v idv5 apr	ii id apr	xxi
111	clv	xliiii	clv	viii kl apr	viii kl apr	xxi
111	clvi	xlv	clvi	ix kl oia	ix kl oia	xxi
111	clvii	xli	clvii	ii idv5 apr	ii id apr	xxi
111	clviii	xlii	clviii	iii kl apr	ix kl apr	xxi
111	clvix	xliiii	clvix	ii kl oia	ix kl oia	xxi
111	clvi	xlv	clvi	v idv5 apr	ii id apr	xxi
111	clvii	xli	clvii	viii kl apr	viii kl apr	xxi
111	clviii	xlii	clviii	ix kl oia	ix kl oia	xxi
111	clvix	xliiii	clvix	ii idv5 apr	ii id apr	xxi
111	clvi	xlv	clvi	iii kl apr	ix kl apr	xxi
111	clvii	xli	clvii			

Основное пространство листа занимает пасхальная таблица (которую Либерман полностью опускает), сами «анналы» представляют собой маргиналии, частично втиснутые на боковом поле, частично – на верхнем поле и связанные с годами

(обозначены римскими цифрами) в пасхальной таблице с помощью особых условных значков. Подобная организация пространства страницы характерна практически для всех так называемых «пасхальных анналов», включая и самый ранний известный их пример – в рукописи, созданной в Северной Англии (Нортумбрии, возможно, в монастыре Вирмут – Ярроу) в середине VIII в., а затем перевезенной в немецкий монастырь Фульда (от нее сохранились лишь фрагменты, ныне Münster in Westfalen, Staatsarchiv, MSC 1.243, 1–12r). По этому англосаксонскому образцу в Фульде в конце VIII в. была изготовлена уже собственная рукопись пасхальных таблиц с историческими замечками (позднее перевезена в Регенсбург, ныне рукопись Munich, Bayerische Staatsbibliothek, Clm 14641). К этой же группе манускриптов, подробно проанализированной Рихардом Коррадини [27] и Джоан Стори [32], относятся рукописи начала IX в. из Сент-Амана и Вероны, 1-й четверти IX в. из Фульды, 2 манускрипта 2-й четверти IX в. из Осера. Основное их содержание составляют различные тексты, связанные с церковными вычислениями (так называемая компутистика) и богослужением. Некоторые из этих и аналогичных по содержанию рукописей, по предположению Коррадини, могли предназначаться для обучения молодых монахов основам компутистики.

Заметки исторического содержания в ранний период делались на полях не только пасхальных таблиц, но и в литургических календарях, мартирологах, некрологах, копиях трактата Беды «О временах». Например, к этому типу принадлежат записи в календаре из рукописи англосаксонского миссионера, «апостола фризов» Виллиброрда (ныне Paris, BN lat. 10837, fols. 34–41, 44). В частности, на листе 39об там имеется запись, сделанная в 728 г., вероятно, самим Виллибрордом, и перечисляющая ключевые события его миссии (в 690 г. от Рождества Христова приехал во Франкию, в 695 г. был рукоположен в епископа, в «нынешний» 728 г. счастливо продолжает свои труды): «In nomine domini clemens uuillibrordus anno sexcentesimo nonagessimo

ab incarnatione christi uen \i/ ebat ultra mare in francea et in dei nomine anno sexcentesimo nonagessimo quinto ab incarnatione domini quamuis indignus fuit ordinatus in romae episcopus ab apostolico uiro domno sergio papa. nunc uero in dei nomine agens annum septen \gen/ tessimum uigessimum octauum ab incarnatione domini nostri iesu christi in dei nomine feliciter» [40:13]. При этом в содержащихся в той же рукописи пасхальных таблицах исторических заметок нет, лишь крестик напротив 717 года, возможно, указывает на дату создания таблицы. В сборнике сочинений Алкуина (написан в Санкт-Галлене в начале IX в., ныне рукопись St. Gallen. Stiftsbibl. Cod. 272. P. 245³) в конце кодекса помещена историческая заметка, датированная 806 г. о разделе 7 февраля 806 г. королевства между сыновьями Карла и о том, что в тот же год писец завершил эту рукопись. Возможно, к тому же типу принадлежат и исторические заметки после окончания «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного в «Рукописи Мура» (о них см. [11: 589]). Интересен пример Фульды, где в виде погодных записей (а не календаря) были организованы перечни умерших монахов (так называемые «Annales necrologici», см. о них [27: 298-299]). Эти примеры подтверждают сомнения А.И. Сидорова относительно того, можно ли считать заметки в пасхальных таблицах особой формой историописания [42:28].

Одновременно с «пасхальными анналами», уже с IX в., в рукописях встречаются и краткие анналы без привязки к пасхальным таблицам («малые анналы»). В большинстве случаев их кодикологический контекст схож с «пасхальными анналами». Таковы, например, «Вольфенбюттельские анналы» (Annales Guelferbytani) читаются в рукописи начала IX в. из Мурбаха (ныне Wolfenbüttel, Herzog August Bibliothek, 67. 5. Aug. 80⁴). В

³ Рукопись доступна онлайн: <http://e-codices.ch/en/csg/0272/245/0/Sequence-456> [просмотрено 15.03.2018].

⁴ Рукопись доступна онлайн: <http://diglib.hab.de/wdb.php?dir=mss/67-5-aug-8f&distype=thumbs> [просмотрено 15.03.2018].

отдельных случаях «малые анналы» имеют рудименты пасхальных таблиц, как например в санкт-галленской рукописи IX в. (ныне St. Gallen, Stiftsbibl. Cod. 732. P. 168ss.⁵). Вместе с тем, при составлении «малых анналов» мог использоваться и материал из «больших анналов» (о которых подробнее см. ниже). Таковы, например, «Анналы Массэ» (*Annales Mascaienses*; текстологически близки к *Annales Petaviani*) за 726-796 гг. из рукописи, созданной ок. 825 г. в монастыре Массэ (*Massay*) близ Буржа (ныне Genève, Bibliothèque de Genève / Ms. lat. 50, fols. 1v – 3r⁶). Сам кодекс имеет явно выраженный учебно-компутистический характер. Он включает фрагмент латинского глоссария, заметки о греческом алфавите, о календаре и о часах дня, пасхальные циклы с историческими заметками за 73 – 1013 гг., различные компутистические заметки и таблицы, трактаты Беды Достопочтенного «О природе вещей», «О временах» и др. Рукопись хранилась в Массэ до 1567 г., когда библиотеку разграбили гугеноты. После этого манускрипт попал к юристу-протестанту Жермену Колландону (1508 – 1594), бывшему профессору римского права в университете Буржа, который с 1550 г. жил в Женеве. Невестка Колландона продала рукопись Городской библиотеке Женевы в 1615 или 1616 г. «Анналы Массэ» впервые напечатал знаменитый эрудит-иезуит Ф. Лаббе (*Nov. bibl. II. 733-736*), Г. Пертц в своем издании «*Annales Petaviani*» использовал женеvскую рукопись лишь в критическом аппарате.

На то, что «малые анналы», в отличие от пометок в пасхальных таблицах, осознавались средневековыми писцами как самостоятельные тексты, указывает наличие у них в некоторых случаях собственных заголовков. Так, в рукописи конца IX в. из монастыря Мурбах (ныне St. Gallen, Stiftsarchiv, Zürcher Abt. X, Nr. 1, fols. 2v – 3r) т. н. «Аламаннские анналы» (*Annales Alaman-*

⁵ Рукопись доступна онлайн: <http://e-codices.ch/en/csg/0732//168> [просмотрено 15.03.2018].

⁶ Рукопись доступна онлайн: <http://e-codices.ch/en/bge/lat0050> [просмотрено 15.03.2018].

nici) начинаются с рубрики «ANNO DCCVIII AB INCARNATIONE DOMINI GESTA FRANCORUM EXCERPTA». Аналогичный инципит читается и в родственной рукописи начала X в. (ныне Monza, Archivio di Duomo, Cod. F 9.176 ff. 2r-4v) [41:146]. Следовательно, писцы этих южнонемецких манускриптов рассматривали данные тексты, как принадлежащие к традиции исторических сочинений, описывающих историю франкского народа. Вместе с тем, более частым для «малых анналов» является заголовок «Anni ab incarnatione Domini», вызывающий ассоциации с пасхальными таблицами и подразумевающий иной, церковный и всемирно-исторический, контекст.

Стоит отметить, что при всей внешней простоте и безыскусности и «малые», и «пасхальные» анналы часто несли значительное идеологическое наполнение. Так, по оценке Р. Коррадини, в Фульде записи на полях пасхальных таблиц делались не случайно и спорадически, а в моменты институциональных кризисов в монастыре и в соответствии с определенным идеологическим замыслом, с целью формирования определенной коллективной памяти общины. Пасхальные таблицы с заметками рассылались в дочерние монастыри и использовались в миссионерской практике [27:292-293б 303]. Заслуживает внимания и гипотеза о педагогической функции этих текстов. Примечательно, что к аналогичным выводам приходит и П. Хэйуорд, анализируя краткие хроники, созданные в Англии в XI-XII вв. [35].

Что касается куда более малочисленных «больших анналов», то они, насколько можно судить, бытовали в совершенно ином кодикологическом контексте. Эти памятники (к их числу относятся несколько семей «Анналов королевства франков», а также «Сен-Бертенские анналы», «Фульдские анналы», «Старшие Мецские анналы», «Ксентенские анналы» и «Ведастинские анналы») дошли до нас (в тех случаях, когда мы вообще располагаем раннесредневековыми рукописями, а не позднейшими копиями) либо в самостоятельных брошюрах (*libelli*), лишь позднее собранных в кодексы, либо в составе историографиче-

ских сборников, вместе с другими историческими сочинениями, не имеющими сплошной погодной сетки: так называемой «хроникой Фредегара» (в действительности, это труд нескольких авторов и по жанру история-эпитома, а не хроника), «Книгой истории франков», переработанной версией «Истории» Григория Турского, жизнеописаниями императоров Карла Великого и Людовика Благочестивого [о подобных сборниках см. например 8:304-324]. В сохранившихся манускриптах каролингского времени я не смог найти ни одного случая, когда какие-либо «большие анналы» были снабжены заголовком. Все их приведенные выше названия были введены в оборот публикаторами Нового времени. При этом самое знаменитое, «Анналы королевства франков», предложил в свое время никто иной, как Леопольд Ранке [44], руководствуясь, вполне вероятно, не в последнюю очередь соображениями идеологического характера. Читатели и переписчики Высокого Средневековья воспринимали эти тексты, как хроники. Так, в даремском списке «Старших Мецских анналов» (ныне рукопись Durham Cathedral Library MS. C.IV.15, fol. 2r⁷) почерком XIII в. был дописан заголовок «Cronica Pipini», под этим же наименованием кодекс фигурирует и в даремском каталоге XIV в., причем именно в разделе «Cronicae» [43:30]. По оценке Р. Берджесса и М. Куликовски [12 244-245], *Annales regni Francorum* стилистически близки к хронике-эпитоме, в которую достаточно искусственно вставлены абсолютные даты по эре Дионисия. Безусловно, само использование дат от Воплощения Господа было для составителей «больших анналов» далеко не случайным, несло значительную идеологическую нагрузку. Но сам факт использования погодных датировок едва ли оправдывает объединение очень разных по форме и содержанию текстов в единую категорию «анналистика», во

⁷

Рукопись

доступна

онлайн:

<https://iiif.durham.ac.uk/index.html?manifest=t1m6969z077b&canvas=t1t7h149q597> [просмотрено 15.03.2018].

всяком случае без оговорок. Специалистам различия ясны (см. например замечания А.И. Сидорова о принципиальных различиях между «хронологическими» и «нарративными» анналами: [7:46-47], а вот более широкой аудитории не всегда.

Итак, в понятие «анналистика» современные исследователи включают принципиально разные по своему происхождению и функциям записи, которые, вдобавок, в изданиях порой оказываются вырваны из контекста и снабжены произвольно выбранными заголовками. Но, возможно, объединение разных форм погодных записей как единого жанра «анналов» все же оправданно на том основании, что это был принципиально новый для Средних веков феномен, «не имевший культурных истоков» [7:50]? Представляется, что тезис о принципиальной новизне раннесредневековых анналов также не выдерживает проверки источниками. Выше уже были упомянуты параллели между «большими анналами» и позднеантичными хрониками-эпитомами. На роль непосредственных предшественников «малых анналов» и записей в пасхальных таблицах те же Бёрджесс и Куликовски обоснованно предлагают довольно распространенный в поздней Римской империи жанр консулярий – кратких заметок исторического содержания на полях фастов, перечней римских консулов [12:11-13, 39-42]. Стоит пояснить, что для IV – VI вв. имена консулов представляют фактически такой же перечень дат, как и даты от Рождества Христова, поскольку официальной датой в Римском государстве были именно имена консулов. Фасты могли пополняться ежегодно, как например «Парижские фасты» (в рукописи рубежа IX-X вв., ныне Paris, BNF lat. 4859) в части за 399 – 491 гг. Именно в этой части парижской рукописи содержится и маргинальная заметка (под 490 г.) о вторжении Теодориха в Италию [45]. Имеется даже один пример сочетания консульских фастов и пасхалии с историческими заметками в рукописи рубежа VI – VII вв., вероятно, происходящей из Вивария (ныне Vatican, Reg. lat. 2077). Эти заметки Т. Моммзен в свое время издал под названием «Кампанская пасха-

лия» [3:744-750]. Об известности «Кампанской пасхалии» в каролингском мире свидетельствует тот факт, что предисловие к ней содержится в рукописи, написанной ок. 820 г. в Зальцбурге (ныне Wolfenbüttel, Herzog-August-Bibliothek, Guelf. Guelf. 532 Helmst.). Некоторые другие позднеантичные консулярии также были переписаны в каролингское время [12:264].

Подведем некоторые итоги.

- Понятие «анналы» (annales) использовалось в Средние века достаточно ограниченно и практически никогда – по отношению к тем текстам, которые мы называем анналами сегодня.
- Сами средневековые авторы никогда не проводили границы между «анналами» и «хрониками». Противопоставление шло исключительно по линии «литературная/риторическая» история (historia, gesta) vs. фактографические хроники.
- Кодикологический контекст свидетельствует о принципиальной разнице между «малой» и «большой» анналистикой. Первая существует главным образом в связи с церковной компутистикой и богослужебной memoria, в т. ч. в сборниках учебного характера. Вторая – в сборниках с памятниками «риторической» истории, в контексте дисциплин тривиума.
- Возникновение анналистики нельзя считать абсолютно оригинальным феноменом, не имеющим культурных истоков. Напротив, появление данной формы сохранения знаний о прошлом было тесно связано с позднеантичной традицией консулярий (аннотированных консульских списков), а также кратких хроник, также зачастую имевших апокалиптическое измерение.
- С учетом вышесказанного, представляется, что использование понятия «анналы» возможно, но лишь при четком контроле над его содержанием. Возможно, как terminus tech-

nicus – любые погодные записи (например, в конструкциях типа «хроника в форме анналов»).

Литература

1. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 1 / Ed. G.H. Pertz. Hannoverae, 1826.
2. Мереминский С.Г. Monumenta Germaniae Historica // Православная энциклопедия. Т. 46: Михаил Пселл – Мопсуестия. М., 2017. С. 742-745.
3. Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. T. 9. Berolini, 1892.
4. Gesta regis Henrici secundi Benedicti abbatis. The Chronicle of the Reigns of Henry II and Richard I, AD 1169–1192; Known Commonly under the Name of Benedict of Peterborough / Ed. W. Stubbs. Vol. 1. London, 1867.
5. Poole R.L. Chronicles and Annals: A Brief Outline of their Origin and Growth. Oxford, 1926.
6. McCormick M. Les Annales du haut Moyen Âge (Typologie des sources du Moyen Âge occidental, 14). Turnhout, 1975.
7. Сидоров А.И. «Черная кошка в темной комнате»: Формирование традиций историописания в раннесредневековой Европе // Локальные исторические культуры и традиции историописания / Отв. ред. А.И. Сидоров. М., 2011. С. 37-64.
8. Сидоров А.И. Отзвук настоящего: Историческая мысль в эпоху Каролингского возрождения. СПб., 2006.
9. Dumville D. What Is a Chronicle? // The Medieval Chronicle, II: Proceedings of the 2nd International Conference on the Medieval Chronicle, Driebergen/Utrecht 16–21 July 1999 / Ed. E. Kooper. Amsterdam, 2002. P. 1-27.
10. Guenée B. Histoires, annales, chroniques: Essai sur les genres historiques au moyen age // Annales: Economies, sociétés, civilisations. 1973. Vol. 28, N 4. P. 997-1016.
11. Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси. Сравнительное исследование. М., 2012.
12. Burgess R.W., Kulikowski M. Mosaics of Time: The Latin Chronicle Traditions from the First Century BC to the Sixth Century AD.

- Vol. 1: A Historical Introduction to the Chronicle Genre from its Origins to the High Middle Ages. Turnhout, 2013.
13. *Vanderputtens S.* Typology of Medieval Historiography Reconsidered: a Social Re-interpretation of Monastic Annals, Chronicles and Gesta // *Historical Social Research / Historische Sozialforschung*. 2001. Vol. 26. N. 4. P. 141-178.
 14. *Roest B.* Medieval historiography: about generic constraints and scholarly constructions // *Aspects of genre and type in pre-modern literary cultures / Ed. H.L.J. Vanstiphout, B. Roest*. Groningen, 1999. P. 47-62.
 15. *Verbrugghe G.P.* On the Meaning of Annales, on the Meaning of Annalist // *Philologus*. 1989. Vol. 133. P. 192-230.
 16. *Авл Геллий.* Аттические ночи / Под общ. ред. *А.Я. Тыжова, А.П. Бехтер*. Т. 1. СПб., 2007.
 17. *Марк Туллий Цицерон.* Три трактата об ораторском искусстве / Под ред. *М.Л. Гаспарова*. М., 1972.
 18. *Корнелий Тацит.* Сочинения в двух томах. Том 1. Анналы. Малые произведения. М., 1993.
 19. *Ulery Jr. R.W.* Cornelius Tacitus // *Catalogus translationum et commentariorum: Mediaeval and Renaissance Latin Translations and Commentaries*. Vol. 6 / *Ed. F E. Cranz et al.* Washington, D.C., 1986. P. 87-174.
 20. *Исидор Севильский.* Этимологии, или Начала. В 20 книгах. Кн. 1–3. Семь свободных искусств / Пер. *Л.А. Харитонова*. СПб., 2006.
 21. *Ardo.* Vita Benedicti abbatis Anianensis // *Patrologiae Cursus Completus: Series Latina / Ed. J.-P. Migne*. Т. 103. Paris, 1851.
 22. *The Encyclopedia of the Medieval Chronicle*. Vol. 1. Leiden, 2010.
 23. *Walafridi Strabonis.* Prefatio // *Patrologiae Cursus Completus: Series Latina / Ed. J.-P. Migne*. Т. 106. Paris, 1851.
 24. *Becker G.* *Catalogi Bibliothecarum Antiqui*. Bonn, 1885.
 25. *Mittelalterliche Bücherverzeichnisse des Klosters Fulda und andere Beiträge zur Geschichte der Bibliothek des Klosters Fulda im Mittelalter*. Frankfurt am Main, 1992.
 26. *Bullough D.A.* Alcuin: Achievement and Reputation : Being Part of the Ford Lectures Delivered in Oxford in Hilary Term 1980. Leiden, 2004.

27. *Corradini R.* The Rhetoric of Crisis: Computus and Liber Annalis in Early Ninth- Century Fulda // The Construction of Communities in the Early Middle Ages / Ed. R. Corradini et al. Leiden, 2003. P. 269-321.
28. *Monumenta Germaniae Historica. Epistolae.* T. 8, pars 1. Hannover, 1939.
29. *The Annals of Saint-Bertin / Trans. J.L. Nelson.* Manchester, 1991.
30. *Mordek H.* Ein exemplarischer Rechtsstreit: Hinkmar von Reims und das Landgut Neuilly-Saint-Front // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Kanonistische Abteilung. 1997. Bd. 83. S. 86-112.
31. *Hincmari Rhemensis Archiepiscopi De Praedestinatione, dissertatio posterior // Patrologiae Cursus Completus: Series Latina / Ed. J.-P. Migne.* T. 125. Paris, 1852.
32. *Story J.* The Frankish Annals of Lindisfarne and Kent // Anglo-Saxon England. 2005. Vol. 34. P. 59-109.
33. *Radulphi de Diceto decani Londoniensis, Opera historica. The Historical Works of Master Ralph de Diceto, Dean of London / Ed. W. Stubbs.* Vol. 1-2. London, 1876.
34. *The Historical Works of Gervase of Canterbury. Vol. 1 / Ed. by William Stubbs.* London, 1879.
35. *Hayward P.A.* The Winchcombe and Coventry Chronicles: Hitherto Unnoticed Witnesses to the Work of John of Worcester. Vol. 1. Tempe (Arizona), 2010.
36. *Annales monastici. Vol. 4 / Ed. H.R. Luard.* London, 1869.
37. *Gransden A.* Legends, Tradition and History in Medieval England. London, 1992.
38. *Schröer N.* Die Annales S. Amandi und ihre Verwandten: Untersuchungen zu einer Gruppe karolingischer Annalen des 8. und frühen 9. Jahrhunderts. Göppingen, 1975.
39. *Ungedruckte anglo-normannische Geschichtsquellen / Hrsg. F. Liebermann.* Strassburg, 1879.
40. *The Calender of St. Willibrord / Ed. H.A. Wilson.* London, 1918.
41. *Lendi W.* Untersuchungen zur frühalemannischen Annalistik. Die Murbacher Annalen. Mit Edition. Freiburg/Schweiz, 1971.
42. *Судопов А.И.* Записи на полях пасхальных таблиц в Codex Sangallensis 250 (IX в.): рождение третьего текста // Люди и

- тексты. Исторический альманах / глав. ред. М.С. Бобкова. М., 2015. С. 22-40.
43. *Catalogi Veteres Librorum Ecclesiae Cathedralis Dunelm* / Ed. B. Botfield. London, 1838.
44. *Ranke L. von. Zur Kritik fränkisch-deutscher Reichsannalen* // *Abhandlungen der königlichen Akademie der Wissenschaften*. Berlin, 1854. S. 415-456.
45. *Klassen M. The Fasti Parisini: An Independent Consular List from the Fifth Century* // *Journal of Late Antiquity*. 2012. Vol. 5. P. 145-165.